

БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ

ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМ ДЕВЕТИ

РОДИННЫЙ РИТУАЛ У БОЛГАР ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Галина Захарченко-Стоянова

Многие исследователи традиционной культуры обращали свое внимание на родинный ритуал и его значение в жизненном цикле обрядов. Ритуалы, сопровождающие рождение детей, можно рассматривать в различных аспектах — с точки зрения их магической насыщенности в связи с причинно-следственной моделью «рождение-судьба» либо же в контексте социализационных процессов.

Осознавая обширность проблематики, мы решили обратить свое внимание на следующее: проследить соотношение универсалий родинного ритуала с конкретной этнокультурной традицией, в данном случае болгарской. Основу данного исследования составят полевые материалы, собранные в болгарских селах Одесской области в 1995–2005 гг.

Родинный ритуал, как и остальные ритуалы жизненного цикла, направлен на то, чтобы перекрыть событие, т.е. начинается задолго до родов и завершается значительно позже после них. Отправной точкой родинного ритуала, согласно народной традиции, следует считать момент зачатия, нахождение ребенка в утробе и затем роды.

Поведение беременной, согласно народным представлениям, непосредственно связано с будущими качествами ее ребенка. Это обуславливает наличие в болгарской обрядовой практике системы запретов, регламентирующих поведение беременной женщины. Ей не разрешалось садиться на пустое ведро либо мешок, иначе ребенок будет голодным; пинать кошку или собаку ногой, чтобы ребенок не родился волосатым; красть, смотреть на огонь — если женщина испугается при этом и схватится за любой участок тела, то именно в этом месте у новорожденного будет родимое пятно; запрещалось беременной смотреть на некрасивых, больных людей, калек, не рекомендовалось ходить на похороны, поминки, посещать кладбище и многое другое. Соблюдение запретов было обязательным и должно было таким

образом гарантировать защиту будущего ребенка от болезней, физических недостатков, «нечистой силы». Аналогичный комплекс запретов и схожая их мотивировка фиксируется и у других славянских этносов Южной Бессарабии — русских и украинцев.

С момента появления ребенка на свет в ритуальных действиях родинного цикла наряду с заботой о будущем новорожденного возрастает значимость приобщения его к социуму, передачи ему определенного опыта. Выполнение этих функций общество могло доверить лишь отдельным представителям. Среди них первоочередное значение отводилось бабе-повитухе (баба). Это была пожилая женщина, которая пользовалась уважением в селе. По народным представлениям, молодые женщины и девушки к такой роли не подходили¹. Повитуха — это, как правило, было лицо, которое никем не избиралось и нигде не фиксировалось.

На роды *бабу* приглашала мать либо свекровь беременной женщины. До родов обычно никаких подарков повитухе не делали. Беспокойство об удачном исходе родов может объяснить тот факт, что никто из посторонних не должен был заметить, в какой именно дом шла *баба*. Лишь несколько женщин могли пригласить ей в помощь. Если роды были трудными, ноги рожавшей опускали в таз с горячей водой. Баба купала родившегося ребенка, перерезала пуповину, мыла роженицу.

Об особенном отношении к повитухе среди односельчан свидетельствует зафиксированный у болгар обычай отмечать 21 января *Бабинден*, как день бабок-повитух. В этот день она получала от женщин, у которых принимала роды, подарки (вино, мыло, отрез ткани и др.). Письменные источники свидетельствуют, что на *Бабинден* бабке еще и могли устроить купель возле пруда или колодца².

Обрядовые действия, которые повитуха осуществляла в первые часы после рождения ребенка, были направлены на то, чтобы путем контактной магии передать ребенку лучшие черты характера представителей старшего поколения, традиции семьи.

В народных представлениях до крестин ребенок находится под воздействием нечистой силы. Один из магических обрядов, направленных на избежание этого вредного влияния, — это купание новорожденного. В купель ребенка к крестинам обязательно клали свяченную траву (сено, цветы, листья орехов). По мнению исследователей, магия ритуала первого купания направлена на формирование у ребенка черт, которые отвечали бы народным представлениям об идеале человека, облегчили бы ему адаптацию в обществе.³ Как уже было сказано, первое купание осуществляла именно баба-повитуха.

Бабка-повитуха таким образом выполняет целый ряд функций как рационального, так и магического характера. Она не только помогает ребенку появиться на свет, но и старается оберегать его от возможного влияния злых сил.

Для болгарской народной культуры устойчивой и актуальной является архаическая вера в демонов судьбы — *орисниц*, которые посещают ребенка на третий день после рождения и предрекают ему будущее, зачастую назначая продолжительность жизни. Представления об *орисницах* до сих пор хорошо сохранились как у бессарабских болгар, что фиксируется во время полевых исследований, так и на территории Болгарии.⁴

Через некоторое время после родов (на 2-й, 3-й день) *леусу* (роженицу) проводывали и делали это только замужние женщины (родные, близкие, соседки). Собирались для того, чтобы отпраздновать рождение ребенка. Они приносили с собой *ляп* (хлеб), пеленки, подарки ребенку, монетки. Этот традиционный обычай получил название *малка пита* либо *пита*, *питка*. Название, видимо, непосредственно связано с обычаем раздавать всем присутствующим в этот день в доме *леусы*, специально испеченные к этому дню *питки* (коржики), которые при этом могли еще смазывать медом. Кроме этого, для того, чтобы у ребенка были ямочки на щечках, в питах делали небольшие углубления, а затем слегка надавливали на щеки малыша. Кроме питок, обязательных блюд к этому дню не существовало. Единственное условие — в пост готовили только постную пищу. Перед праздничной трапезой *баба* окуривала дом, еду на столе, а также молодую мать с новорожденным. Объяснялось это заботой о здоровье роженицы и ребенка. Именно в этот день *повитухе* давали деньги — плату за принятые роды.

У бессарабских болгар зафиксировано еще одно название этого дня, о котором хотелось бы сказать отдельно, а именно — *буганик* (с. Суворово Измаильского р-на). Н. С. Державин зафиксировал, что на *буганик* (обед на полу) от имени родильницы приглашали родственников две девушки 15-16 лет, одетые обязательно в платье родильницы.⁵ Все, кто приходил на *буганик*, должны были на протяжении 40 дней принести обед к родильнице (*но-нуду*: каравай, 1-2 кушанья). Считалось, что если кто-нибудь из женщин этого не сделает, то либо она сама, либо кто-то из ее близких после рождения ребенка не будут иметь молока.

Также зафиксирован обычай собираться через неделю после родов на *топл ляп* (теплый хлеб) (с. Суворово Измаильского р-на). На *топл ляп* пекли высокий хлеб, чтобы ребенок хорошо рос. Приходили только женщины. Свекровь *леусы* приглашала куму с графином вина, караваем, целой вареной курицей. До этого времени кума на родильных праздниках не присутствовала. Когда все расходились, свекровь роженицы резала хлеб и раздавала всем присутствующим по кусочку. 1-й срезанный кусочек клали на печку, чтобы ребенок был высоким. Бабе давали деньги, чтобы ребенок был счастливым. На *топл ляп* *баба-повитуха* купала *леусу*, растирала ее.

Во время *малка пита*, *топл ляп*, *буганика* мать с ребенком находились в отдельной комнате. К ним приходили приглашенные и приносили подарки. А само празднование происходило в *гуляма къшита* (большой комнате).

Через некоторое время после *малка тита* (через 10-20 дней) устраивалась *гуляма тита*, которая иногда совпадала с днем крестин. В этот день приходили тоже лишь женщины, но уже большее количество и не только родня. Они приносили с собой *титу* (круглый хлеб), которую дарили матери, *ракию* (водку), курицу, подарки для ребенка. Больше всех подарков приносила кума. *Леуса* дарит в этот день повитухе миску с мукой. После одаривания все приступали к трапезе.

До 40 дней после родов, согласно традиции, нужно было крестить ребенка и устроить по этому поводу праздничную трапезу. Мальчика по обычаю крестили на 40-й день, а девочку могли и на 30-й или 35-й день после рождения.

Крестины были одним из важных этапов социализации ребенка. Крещение происходило с обязательным присутствием крестных родителей, к которым относились с большим уважением. Они становятся «вторыми родителями» для ребенка. У болгар *кръсник* и *кръсница* (кум и кума) — семейная пара, которая получает статус *кръсников* еще на свадьбе (именно они держат венцы над молодыми в церкви) и крестят всех детей молодой пары.

Крестить ребенка в церковь шли *кръсники*, *баба*. После совершения обряда крещения ребенка заворачивали в специально приготовленный для этого отрез ткани — *миро*, из которого затем мать что-либо шила ребенку.

В письменных источниках начала XX века зафиксирован обычай болгар после крестин ребенка в церкви, мальчика класть на плуг, а девочку на ткацкий станок.⁶ Эти обрядовые действия с одной стороны символизировали желание определить характер будущих занятий ребенка, с другой, по мнению Т. А. Бернштам, это является знаком половой идентификации рожденного ребенка, так как среди народа была распространенная мысль, что новорожденный не имеет пола.⁷ Этим возможно и обусловлен зафиксированный обычай, согласно которому на крестины *кръсники* приводили девочку или мальчика, в зависимости от пола того, кого крестили (с. Кубей Болградского р-на).

После церковного крещения родители устраивали праздничный обед по этому поводу (*кръшитенка*, *кръшитене*), на который кроме кумовьев приглашали родню, знакомых, соседей. На *кръшитене* приходили с подарками и продуктами. Н. Сумцов отмечает, что эта практика очень архаичная и связанная с культом славянского божества Рода и Роженицы.⁸ Крестинное угощение также символизировало собой приобщение ребенка к семье и обществу.

Следует отметить еще один своеобразный болгарский обычай, не встречающийся у других славянских этносов региона. Когда ребенок делал первые шаги, пекли *пристапулку* — лепешку, которую мазали медом. Мать ребенка должна была при этом быстро, не останавливаясь, раздать пристапулку соседям из 3-х домов, чтобы ребенок хорошо бегал.

Один из важных моментов послеродовых обрядов — первое пострижение — происходил в первую годовщину ребенка, что является знаком перехода младенца в новый возрастной период. Некоторые исследователи видят в обряде пострижения остаток первобытной инициации⁹. У болгар в этот день устраивали *годинку*, на которую приглашали родственников, знакомых, но, в первую очередь, «просят куму» с вином и караваем, она стригла ребенка и дарила подарки либо же кум стриг мальчика, а кума — девочку. Волосы после пострижения прятали, хранили или пускали по воде.

Основными распорядителями на церемониях и праздниках послеродового цикла являлись кум с кумой, а затем уже свекровь. Как видим, *баба* тоже принимала участие в некоторых ритуалах, но ее роль в обрядах постепенно становится второстепенной.

Нужно обратить внимание на еще один момент в родильной обрядности — обычай имянаречения. Порядок в обычае имянаречения у бессарабских болгар отмечает Л. А. Демиденко: первого мальчика называли обязательно в честь дедушки по линии отца, второго именем отца, первую девочку — в честь бабушки по материнской линии, вторую дочь — в честь бабушки по линии отца и только третью дочку называли именем матери.¹⁰ Результаты опроса в болгарских селах показывают следующий порядок имянаречения детей в семье: первого мальчика называли на имя дедушки (по родительской линии), первую девочку на имя бабушки (матери отца ребенка), других детей — в честь святых. Следует отметить, что, согласно полемому материалу, такой порядок в имянаречении со второй половины XX века не соблюдается строго. Устойчивым является представление, что если ребенка не назвать на имя того святого, в день которого он родился, можно накликать на новорожденного беду. Согласно народным представлениям, если ребенок родился в большой праздник, «он нашел сам свое имя». Встречается также обычай называть детей именами кума или кумы.

В любом случае, по мнению ученых, с помощью имени новорожденный включался в ту или другую последовательность (святых или людей) и отождествлялся со всеми прежними владельцами данного имени.¹¹ Имя было одним из средств передачи качеств новорожденному. Согласно первобытной философии, имя является существенной частью человека, возможно, его душой.¹² По народным представлениям, имя воплощало в себе рождение новой души. Младенец только по получении имени становился человеком.¹³

Как видим, обряды второй части родильного цикла связаны в основном с принятием новорожденного в семью и общество. Основные мотивы обрядовых действий отмеченного комплекса заключаются в том, чтобы передать ребенку определенный опыт, способствовать счастливому будущему нового члена коллектива. Но иногда основной объект обрядов (то есть сам ребенок) рассматривается как источник особенной силы и можно встретить попытки воспользоваться этой силой.

Например, особенный ритуал осуществлялся с первой рубашкой ребенка. Болгары хранили рубашку первого ребенка, за поверьем, она приносит счастье. Эту рубашку одевали на третий день после рождения на каждого следующего ребенка.¹⁴ А у украинцев мать пыталась передать рубашку первенца всем своим следующим детям, «чтобы они стояли друг за друга».¹⁵ Этот факт можно некоторым образом рассматривать как начало общения ребенка к обрядовой жизни общества.

В случае с детской рубашкой срабатывает принцип магии, когда каждое явление, предмет в силу своей природы, свойств дает определенный результат.¹⁶ В другом случае рубашка должна обеспечить рождение детей. Для этого, за украинским поверьем, бездетная женщина должна украсть рубашку у многодетной. По этому же принципу дети иногда способствуют магической цели обряда, то есть выступают действующим символом.¹⁷ Например, на свадьбе на руки невесте садили мальчика для того, чтобы в будущем у супругов появились дети.

Таким образом, проанализировав опубликованные источники и полевые материалы относительно родильных обрядов и обычаев бессарабских болгар можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, структура родинного цикла обрядов является достаточно разветвленной, особенно послеродовой цикл, и достаточно устойчивой с сохранением основных структурных компонентов вплоть до настоящего времени (за исключением обычаев, связанных с повитухой, остальные обряды бытуют до сих пор).

Во-вторых, мотивация основных обрядовых действий основана на стремлении обеспечить благополучие ребенку и приобщить его к социуму. При этом семантическая нагрузка структурных компонентов постепенно возрастает от начала родильного обрядового цикла к моменту его завершения.

В-третьих, родинный ритуал бессарабских болгар в основе своей содержит универсалии общеславянской обрядовой практики, однако при этом сохраняет этническую и локальную специфику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. — М.: Наука, 1991 — С. 319.
2. Левицкий А. Нравы и обычаи болгар, живущих в бессарабских колониях // ЗООИД — 1858. — Т. IV. — С. 455.
3. Різникова Я.О. Родильні звичаї українців: соціалізація дитини // Етнографічні дослідження населення України: Матеріали Першої Всеукраїнської етнологічної конференції студентів та молодих вчених. — Одеса, 1996. — С. 66.
4. Седакова И.А. Этнокультурный контекст болгарских фразеологизмов о судь-

бе и характере человека // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. — М.: Индрик., 1999. — С. 125.

5. Державин Н.С. Болгарские колонии в России // СбНУ. — София, 1914. — С. 113.

6. Там же. — С. 107.

7. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX века. — Л.: Наука, 1988. — С. 55.

8. Сумцов Н. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка // Журнал Министерства народного просвещения. — 1880. — №212.- С. 85.

9. Косвен М.О. Кто такой крестный отец // Советская этнография. — 1963. — №3. — С. 96.

10. Демиденко Л.А. Культура и быт болгарского населения в УССР. — К.: Наукова думка, 1970. — С. 79.

11. Байбурин А.К. Ритуал: между биологическим и социальным // Фольклор и этнографическая действительность. — Л.: Наука, 1992. — С. 24.

12. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. — М., 1986. — С. 290.

13. Ерёмина В.И. Ритуал и фольклор. — Л.: Наука, 1991. — С. 31.

14. Державин Н.С. Указ. соч. — С. 112.

15. Ящуржинский Х. Поверья и обрядности родин и крестин // Киевская старина. — 1893. — С. 80.

16. Харузина В.Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни. // Этнографическое обозрение. — 1911. — №1-2. — С. 51.

17. Там же. — С. 52.